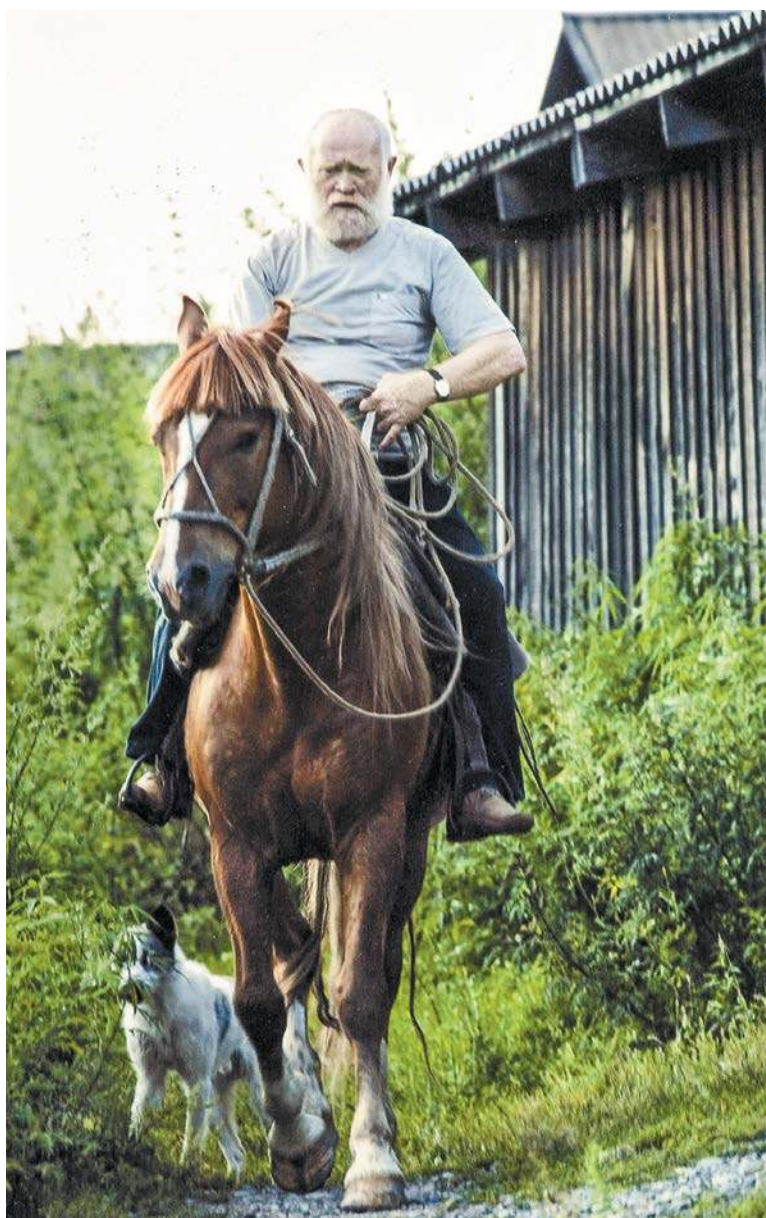

В Л А Д И М И Р С О К О Л О В

Встречи с Александром Родионовым

Александр Родионов.
Поездка по Горному
Алтаю. Июнь, 2009.
Фото Аркадия Елфимова

Первая встреча случилась в его деревне. Я попал тогда в писательскую группу, обслуживающую хлеборобов в пору уборочной страды. К Родионову увлек меня Евгений Гуцин: «Талантливый мужик!» Нашли мы его в бревенчатой, крепко поставленной избе с крытым подворьем, наполненным живностью.

Александр, густо-рыжий, с турбулентной бородой, встретил ясным светом живых умных глаз и рукопожатием шершавой крестьянской руки, привыкшей к работе. Недолгое общение с ним убедило меня, что эта рука по-пушкински владеет пером.

Почему я говорю: по-пушкински? Потому, что в разговоре его рождались мысли, которые он выражал без затруднений, чистым русским языком. Ни одного пустого слова! Евгений Гуцин хорошо знал его до меня, и они беседовали как друзья:

— Изба просторная, по-сибирски ставлена, — говорил Гуцин, — хлопот с ней хватает... Хорошо ли пишется тут, Саша?

— Изба, как жена, — требует внимания и любви. Упустил из рук — начнется разруха и в избе, и в семье... Пишется ли? Пишется, в душе и наяву, и во сне. А за стол ежедень сажусь на час-другой. Прозу кропать начал, но и стишишко назревшее не упускаю.

— Выступишь с нами? — спрашивал Гуцин.

— Отчего бы нет? За перо взялся — народу бояться нечего. Со своими земляками каждая встреча души добавляет.

Вторая встреча была в Барнауле. В ту пору Женя Гуцин, узнавший, что мы с моим другом Женей Илюшиным брали уроки вокала у Василия Дмитриевича Румянцева, по вечерам эксплуатировал мои вокальные навыки и мою свободную ориентацию в оперной классике. Вечера проходили дома у Гуцина и иногда в Доме писателей. Ни рояля, ни оркестра у нас в распоряжении, естественно, не было.

Народ собирался избранный. Поклонившись Бахусу, начинали. Организатором событий всегда был Женя Гуцин. Присутствовали при сём Виктор Горн, Лёня Ершов, Володя Башунов, Иван Кудинов... Александр Родионов... Бийчане наезжали. Даже Виктор Петрович Астафьев пригласил однажды в гостиничный номер.

Слушатели знали оперную классику назубок и «слышали» и оркестр, и рояль. Звучали на наших концертах Чайковский, Верди, Бизе, Гуно, Глинка, Гречанинов, Даргомьжский, Мусоргский, классические и старинные романсы. Заклучали концерт традиционные заявки. Горн просил «Наватину» Фауста, Ершов — серенаду Смита, Гуцин — романс Дубровского, хором требовали балладу Герцога, «Скажите девушки...» и т. д.

Только Родионов меня остановил — попросил спеть монолог Досифея перед самосожжением в мошашеском скиту. Поднял «Хованщину» Мусоргского! Запрос глубочайше из недр русского характера. Но... Пришлось развести руками. Досифей с его призывом к самосожжению был для меня неподъемен.

Александрю я предложил сцену у Собора Василия Блаженного из оперы Мусоргского «Борис Годунов». Не без успеха имитировал тогда и Александра Пирогова, и Козловского.

Монолог Досифея в душе теперь звучит. Но спеть его для Александра я не успел.

Несколько встреч с Александром Родионовым случилось в поездках на Гуцинские чтения в сёла Алтайское и Ая. Туда ехали, любуясь просыпающимся Алтаем, вспоминая литературные притчи и случаи. И о Гущине вспоминали, конечно. Причем самые ключевые моменты гуцинской жизни и творчества глубже всех оценивал Саша Родионов.

Принимали нас в Алтайском и в Ае по-княжески, подпирали творческим энтузиазмом местной аудитории, прогуливали по неудачно преобразованному Ая-озеру... угощали в местных значных местах в присутствии хозяев роскошных апартаментов.

Застолье всегда проходило активно, сельские олигархи кормили вкусно, поили хмельно. Все увлечены яствами и питиями. Только Саша Родионов, не отставая от всех, успевал расспрашивать хозяина:

- Сколько obsługi держите?
- Повар, бармен, охрана.
- Зарплату не задерживаете?
- Ни боже мой!
- Кому сколько платите?
- Все довольны.
- Сколько с гостя берете за сутки?
- Пятсот рублей.
- И платят?
- Отбою нет.
- Какова прибыль, ну... за год, например?
- После уплаты налогов на пропитание остаётся,

— лукаво прищуривается хозяин.
Потемну обычно спускались к Катуню. Сумрак уже окутывал клокочущую реку.

Однажды в густых прибрежных травах пропал наш фотограф. Его искали, перекивая шум катунских вод. Кто-то мрачно шутил: «Всё было, только речка унесла...»

Нашел бедолагу Саша Родионов — молча искал и запнулся о пропавшего, блаженствующего в объятиях приречных трав. Саша расшевелил фотографа, помог ему подняться, и, бережно поддерживая под руку, сказал:

- Пора домой, а то еще кто-нибудь пропадет.

Возвращались раскрепощенными, позволяющими себе притчу-озорашку и даже солоноватый анекдот.

Душой этого мирка на колесах был, несомненно, Саша Родионов. Он неистощимо жонглировал непечатной лексикой, но при этом наполнял ее таким сокрушительным юмором и таким щедрым добродушием, что не влюбиться в него было невозможно.

- И сами собой выныривали из памяти строчки:

*Оновы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Нас примет радостно у входа...*

(И не надо мечей! И не ВАС, а НАС!)

Невыносимо жалко, что его больше нет.

Время унесло Гущина, Горна, Ершова... Ох, это время! Оно и привело меня на презентацию книги Александра Родионова «Одинокое дело моё». В холле «Книжного мира» было полно народу. Все толпились вокруг него с «Одиноким делом...» Он сидел за изящным столиком, своим светоносным взглядом встречал каждого книжника и рисовал родионовский кудрявый автограф.

Я подсунил ему свое «Чёртовое колесо», он погладил обложку и отдался «Одиноким делом...», нарисовав озорной автограф с двумя облысевшими головами.

Позже, когда мы с Еленой Гущиной пришли к нему на Пушкинскую, в бревенчатую древнюю избу, он мимолетно вспомнил мое «Чёртовое колесо», и, похвалив диалоги, посоветовал написать пьесу.

Пьесу писать я не стал. Театр мне уже не по нервам.

Мы с Еленой принесли ему тогда материалы для книги воспоминаний о Евгении Гущине. Елена пожаловалась, что есть снобы, считающие возможным поместить в эту книгу только воспоминания писателей уровня Валентина Распутина.

Александр усмехнулся и сказал:

— Это не только неправильно, это недопустимо! Каждый, кто написал о встрече с Гущиным или об одной из его книг, заслуживает не только уважения, но и благодарности за нелегкую работу души, за борьбу с текстом, отнимающую немало дорогого времени. Главное-то ведь в том, что народ всегда заметит СВОЕ ценное, обычно не замеченное авторитетными писателями.

Надо добавить, что именно Александр Михайлович в мае после похорон Евгения Геннадьевича приехал к Елене Дмитриевне на дачу с кинооператором для продолжения съемок фильма о русском писателе Евгении Гущине. Работа кипела весь световой день.

Александр Михайлович, завершая долгий разговор с Еленой Дмитриевной, высказал надежду на то, что книги Евгения Гущина не раз еще послужат в будущем для создания бессмертных художественных фильмов о жизни сибиряков и россиян.

О посещениях родионовской избы у меня невольное родилось стихотворение, которым я и заканчиваю свои воспоминания.

У РОДИОНОВА

*К его избе дышу не ровно,
Здесь был радушием согрет.
Как обнимали душу брёвна,
Которым чуть не триста лет!
Хозяин ко своим портретам
Был невниманием высок.
И рюмки подняли при этом
Не за последний волосок.
Витал меж нами Женя Гуцин,
Как тень, легенда и молва.
И волховала нашим кушаньем
Его прекрасная вдова.
Мы, мужики, как псы, лохматы,
Кедровой водкой грели дух,
И наши тихие дебаты
Гонял Евгений, как пастух.
На Родионове-скульптуре
Сидела шляпа набекрень.
И в пиджачок на вольном стуле
Влезла гуцинская тень.*

